

В. Г. МОШКОВА

ПЛЕМЕННЫЕ «ГОЛИ» В ТУРКМЕНСКИХ КОВРАХ

Едва ли найдется в наши дни специалист-ковровед, который не был бы знаком с внешним обликом туркменского ковра, заслуженно пользующегося мировой известностью за свои исключительные художественные качества: за очарование своих простых ритмичных узоров и композиций, скромную и вместе с тем необычайно богатую по своим оттенкам цветовую гамму.

Но далеко не все даже местные среднеазиатские уроженцы представляют себе, какую роль ковры и ковровые изделия играют и играли в стране, население которой является их творцом.

Ковровое искусство Туркмении является народным в полном смысле этого слова. Все старшее поколение туркменок, за редким исключением, умеет ткать ковры. Только тот, кто видел туркменскую женщину за ковровым станком, ее быстрые руки, которые буквально как птицы летают над тканью ковра, усидчивость, энергию, которую она вкладывает в свой труд, громадную напряженность, динамичность всего производственного процесса, — только тот может понять, какой великой труженицей является туркменская ковровщица — безымянная великая народная художница Туркмении.

С величайшей тщательностью и любовью украшала туркменская женщина порой простым, но необычайно художественным узором все, даже самые примитивные предметы своего хозяйственного обихода, которые выходили из ее рук.

От лучей палящего солнца, холода и всюду проливающей пыли «афганца» вход кибитки завешивался снаружи коврой занавесью «энгси», а порог загромождали маленьким ковриком «гермеч».

Ковровые декоративные дорожки «иоламы» и «боу» скрепляли деревянный остов кибитки и опоясывали снаружи ее кошемные покровы, оживляя их безрадостный серый тон.

Земляной пол кибитки мягко устилался узорчатыми кошами, паламами и коврами «халы», вокруг очага собиралась семья, и случайные гости усаживались на ковриках «оджак баши» и «дип хали».

Утварь и весь домашний скарб ютился в ковровых «торбах» и «чувалах», развешенных по решетчатым стенам кибитки.

Мелкую кладь в путешествии размещали в переметных ковровых сумках «хурджинах», переброшенных через седло, а ахалтекинских и йомутских коней покрывали ковровыми чепраками «тайнакча», кошемными вышитыми попонами и наседельниками «черлик». Даже осел заслужил свою долю внимания у ковровщицы: ослиные ковровые подпруги не редкость в Туркмении.

И во время кочевий, и на стоянках одинаково удобны были ковровые мешочки для соли (диз-торба), футляры для редкого в быту зеркала (айна кап), мешки для ложек (чемче-торба), для веретен (иксилик) и т. д.

Свадебный караван, увозивший богатую невесту из родительского дома в новую жизнь, всегда оснащался многочисленными яркими ковровыми украшениями. Шею верблюдов украшали ковровыми ошейниками. На головного верблюда привешивались пятиугольные коврики «ос-

молдук» с пышными богатыми кистями; другой небольшой коврик «халык» с длинными кистями, ниспадавшими по ногам животного, помещался у него на груди. Эти ковровые украшения прекрасно гармонировали с яркой вышитой попоной, которая набрасывалась на шею и голову верблюда.

Особую торжественность этому свадебному шествию придавали связки «уков» (кровельных жердей) свадебной кибитки, которые были перевиты шерстяной тесьмой и покачивались в ковровых нарядных футлярах «укуджи», напоминая огромные боевые колчаны со стрелами.

В свой новый семейный очаг, наряду со всеми этими украшениями, приносила жена-подросток в числе приданого обязательно ковры, чувалы, торбы. Количество их было строго определено обычаем. Выделялись все эти ковровые вещи с особой любовью и тщательностью. Их высокая добротность считалась доказательством зрелости «молодой» и служила к чести ее матери, обучившей дочь высокому мастерству. Все эти ковровые вещи по прибытии молодой в ее новый дом развешивались в кибитке. Причем особым вниманием пользовался «халык», которым была украшена грудь свадебного верблюда. Он вешался над входом. С течением времени «халык» этот превратился в специальное украшение, своего рода ламбрикен на дверь, — «капуннук».

Как было не создать туркменам один из красивейших в мире ковров, когда первые шаги детства начинались на детских ковриках «салачаках», а покойники оплакивались и уносились в последний путь на кладбище на погребальных коврах «аятлыках»¹.

Туркменское ковровое искусство, столь тесно связанное с жизнью народа, является ценнейшим памятником не только народного творчества, но и богатейшим источником для изучения этнографии и истории туркменского народа.

Перед нами искусство многовековой давности, искусство, имеющее свою большую историю, таящее в себе немало следов пройденных этапов развития.

Сравнительное изучение отдельных орнаментальных форм позволяет установить их изменчивость на протяжении времени, позволяет говорить об их историческом развитии. Наряду с заведомо новыми (иногда заимствованными) узорами в коврах живут очень древние узоры, удержавшиеся в силу специфического своего значения. Если вспомнить, что декоративное искусство Туркмении находилось всегда и находится сейчас в руках женщины, этой хранительницы старых традиций, и было всегда теснейшим образом связано с узким домашним кругом, то нахождение в нем черт большой архаичности станет еще более вероятным.

Наличие всех этих моментов в туркменском ковре порождает естественное желание у исследователей выявить эти исторические напластования в ковре.

При попытках исследователя раскрыть смысловое значение отдельных ковровых орнаментов и композиций, наряду со сравнительным изучением их, очень большое, иногда решающее значение имеют сведения, полученные от самих ковровщиц.

Опыт показал, что критически отобранные материалы такого рода, многократно и строго проверенные, часто приходят на помощь для раскрытия подлинного содержания некоторых орнаментальных комплексов в туркменском ковре.

Так, удалось установить целую категорию «священных» орнаментов, совершенно ясно осознаваемых ковровщицами повсеместно в Туркмении; им приписывается религиозно-магическое значение. Священ-

¹ Ладженский, посетивший западную Туркмению в 60-х годах XIX в., видел еще на Челекене могилы туркмен, покрытые истлевшими похоронными коврами. См. А. С. Берг, История исследования Туркмении. Туркмения, I, 1929, стр. 86.

ное значение приписывается орнаменту, который носит название «гюляиды» (рис. 1). Он обязательно помещался на похоронных коврах, паласах, на детских ковриках. Такое же значение имеет рисунок «дагдан», изображающий известный в Туркмении амулет (рис. 2). Насколько это представление является еще живым даже в настоящее время, можно

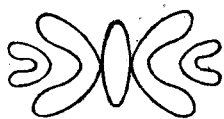

Рис. 1. «Гюляиды»

Рис. 2. «Дагдан»

судить по тому, что этот узор имеется почти на каждом из ковров, который сейчас выделяется. Он помещается в самом начале ковра, как первая орнаментальная кайма. Много узоров такого рода имеется на ковре «энгси» (ковер на дверь). «Энгси» несомненно относится к числу реликтовых ковров, таящих в себе массу неразгаданного. Достаточно указать, что в этом ковре на центральном месте помещен рисунок, именующийся «след щенка» (рис. 3). Здесь этот узор раскроется, вероят-

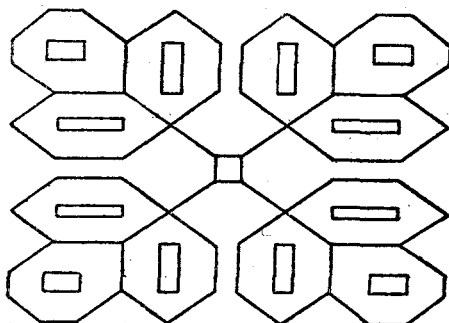

Рис. 3. «Кучук изи» — след щенка

но, в свете той роли, которую играет у туркмен представление о собаке, как о священном животном; наряду с этим, в «энгси» имеется узор «михраб» (рис. 4), которому также придается значение оберега.

Мы видим, как оживают молчаливые узоры ковра, если их рассматривать с точки зрения народа, их производящего.

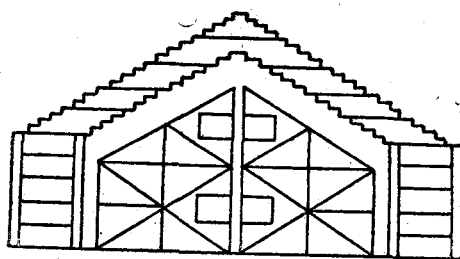

Рис. 4. «Михраб»

Туркмены, особенно женщины, совершенно ясно сознают и ныне племенную принадлежность ковровой орнаментации. Каждое племя имеет свой собственный запас ковровых узоров. Эти представления о племенной принадлежности ковровых узоров и композиций восприняты (более или менее точно) европейскими исследователями, занимавшимися туркменскими коврами, и нашли свое отражение в определенных

типологических ковровых группах, которые освещены в литературе о туркменских коврах. Это группы текинских ковров, пендинских (салорских), йомутских и др.

Ковровая орнаментация туркмен представляет собой единую стилистическую группу, несмотря на все локальные и племенные различия.

Далее, при беглом взгляде на ковровую орнаментацию современных туркменских племен, даже тех, которые в наибольшей степени имеют свои племенные особенности, можно установить в них много общих элементов. Здесь не всегда имеешь дело с простыми заимствованиями; часто это следы общего происхождения ныне самостоятельных племенных групп или следы включения одной племенной группой в свою среду инородных групп. Такого рода сходные мотивы можно найти в орнаментах текинцев, йомутов, эрсаринцев, сарыков, которые согласно историческим данным, связываются общим происхождением.

Наряду со всеми этими общими чертами, свидетельствующими об общей культуре туркменского ковра, чрезвычайно ярко выступают в современных коврах и племенные различия. Наиболее четко племенная орнаментация представлена у тех племен Туркмении, которые в наибольшей степени сохранили свои внутриплеменные связи, традиции и территорию. К ним в первую очередь должны быть причислены такие группы, как текинцы мервские и ахальские, йомуты и некоторые другие.

Наибольшее растворение собственных племенных узоров в чуждых элементах имеет место у племен, у которых родовая организация подверглась особо сильному разложению. Например, эрсари, живя на протяжении 300 лет в тесном соседстве с Бухарой и под непосредственным управлением Бухарского ханства, в значительной степени утратили свои родовые традиции. И в орнаментации их больше, чем у какого-либо другого племени, чувствуется расплывчатость и громадное количество посторонних элементов, освоенных ими. То же можно сказать о чоудорах.

Чоудоры, как известно, одно из очень древних туркменских племен; оно упоминается в списках Махмуда Кашгарского и Рашид-ад-Дина среди старых огузских племен. Изучение орнаментации чоудоров в этом смысле представляет особенно большой интерес. Чоудоры, живя в окружении целого ряда народов, населявших Хивинское ханство, в значительной степени утратили самобытность своей родоплеменной организации, свои племенные связи, расселившись на разных территориях. Среди чоудоров больше, чем среди каких-либо других племен Туркмении, наблюдались смешанные браки, даже с нетуркменами (казахами), что для туркмен в недавнем прошлом еще было исключительной редкостью: они до последнего времени продолжали очень крепко держаться брачных связей в пределах своих крупных племен. В период подчинения Хивинскому ханству, особенно после завоевания последнего Россией, чоудоры оказались широко втянутыми в круг торгово-рыночных отношений. Чоудоры были тем племенем, которое поставляло ковровые изделия на все рынки Хивинского и отчасти Бухарского ханства. Это нашло отражение и в их ковровой орнаментации.

Основной чоудорский узор, носящий название «эртмен» (рис. 5), совершенно деформировался в очень короткий срок — на протяжении 20—30 лет (рис. 6 б, в, г). Кроме того, чоудорами был воспринят ряд узоров соседних племен, скажем племени арабачи, и дан ими в новой обработке; этот новый рисунок, имеющий вид медальона с композицией буквы «Н» (рис. 7), знаком широко в Средней Азии, так как встречается на коврах буквально во всех чайханах. С течением времени собственный старинный основной узор «эртмен» совершенно перестал вырабатываться чоудорами, сохранившись лишь на старых мелких изделиях.

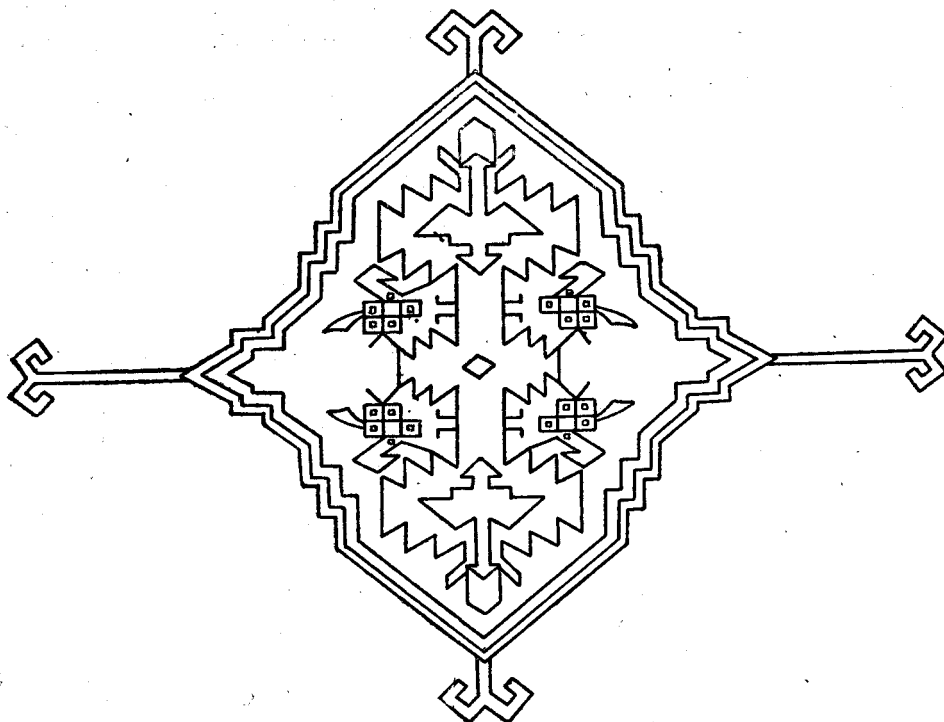

Рис. 5. «Эртмен»

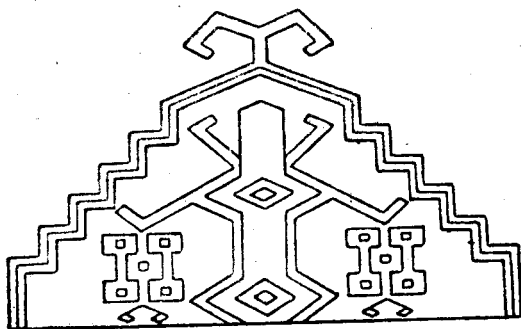

Рис. 6а

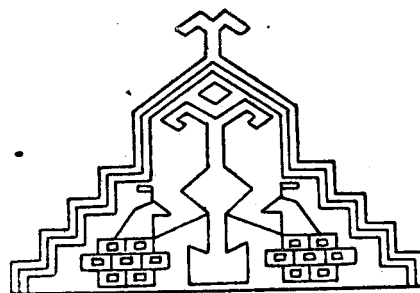

Рис. 6б

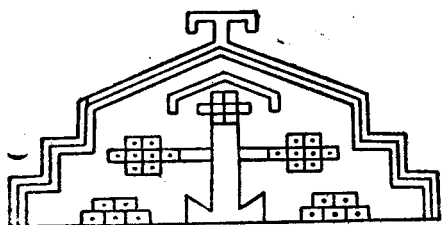

Рис. 6в

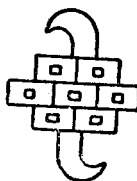

Рис. 6д

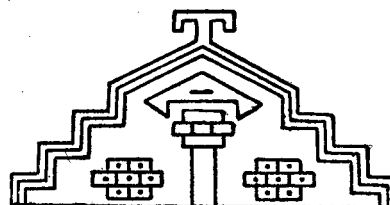

Рис. 6г

Рис. 6. «Эртмен» (поздние варианты)

Таким образом, орнаментация чоудоров претерпела большие изменения в своих характерных самобытных чертах и восприняла много новых элементов.

При определении узоров, заимствованных от одного племени другим, во многих случаях помогают сохранившиеся за ними названия, указывающие на место или племя, от которых они заимствованы. Так, имеются рисунки, проникшие к йомутам от текинцев, и они у первых носят название «теке накыш», т. е. текинский узор; имеется название «мар-голь» — мервский орнамент у рода «кызыл-аяков», заимствовавших этот узор у мервских сарыков или салоров. У эрсаринцев есть узор, называемый «храты», — гератский и ряд других. Примеров такого рода чрезвычайно много. В орнаментальном запасе почти каждого племени имеются подобного рода узоры, названия которых указывают их происхождение.

Молитвенные коврики, торбы и некоторые другие мелкие предметы обихода являлись теми изделиями, в которых в наибольшей степени можно наблюдать как проникновение чужих элементов, так и элементов собственного узоротворчества. Чрезвычайное разнообразие узоров в этих изделиях у разных племен говорит об этом. Видимо, это была та область, в которой женщине предоставлялась свобода инициативы, видимо, здесь она не связывалась родовыми регламентами.

Из приведенного материала видно, что орнаментальный запас туркменского коврового искусства представляет собой очень сложный комплекс, который поддается анализу лишь в результате тщательного сравнения и изучения отдельных орнаментальных форм у разных групп туркменских племен на основе этнографических и чисто исторических данных о жизни, связях и местах расселения этих племен.

Выше уже указывалось, что в ковровой орнаментации каждого племени, наряду с элементами сравнительно новыми, иногда заимствованными в недавнее время, имеется запас очень стойких форм. Правда, и они претерпевают изменения с течением времени. Но эти изменения протекают сравнительно медленно, сохраняя нетронутыми общую композицию и определенные элементы своего построения.

Эти, более стойкие орнаментальные формы обнаруживаются главным образом в виде узоров, помещаемых на центральном поле постилочных ковров, и считаются основными племенными узорами, что сказывается во многих случаях и в их названиях: мы знаем «теке голь»

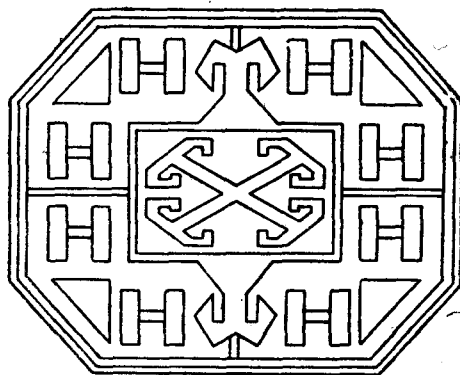

Рис. 7. «Таук нуска» (племя арабачи)

(текинский узор, рис. 8), «сарык голь» (сарыкский узор, рис. 9), «салор голь» (салорский узор, рис. 10), «кепсе голь» (рис. 11), «дыртак голь» (рис. 12). Два последние воспринимаются, как основные племенные узоры йомутов. У эрсаринцев известны «гюлли голь» (рис. 13), «темирджин голь» (рис. 14), также понимаемые, как племенные. Пле-

менным узором чоудоров является узор «эртмен» (рис. 5), известный в нескольких вариантах (рис. 6, 6 а, б). Племя арабачи считает своим племенным узором «таук нуска» (рис. 7).

Как показали наблюдения, все туркменские племена, занимающиеся ковроделием и сохранившие в какой-то степени свои племенные tradi-

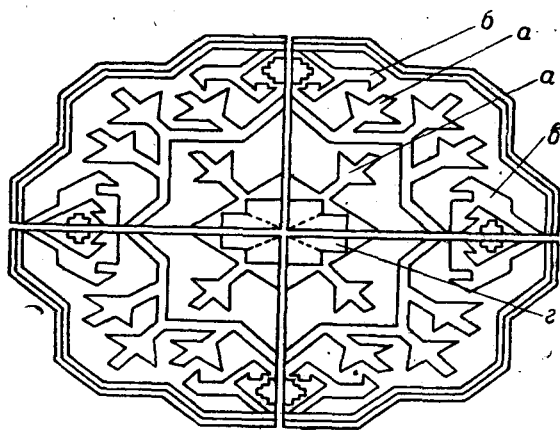

Рис. 8. «Теке гёль» (племя теке)

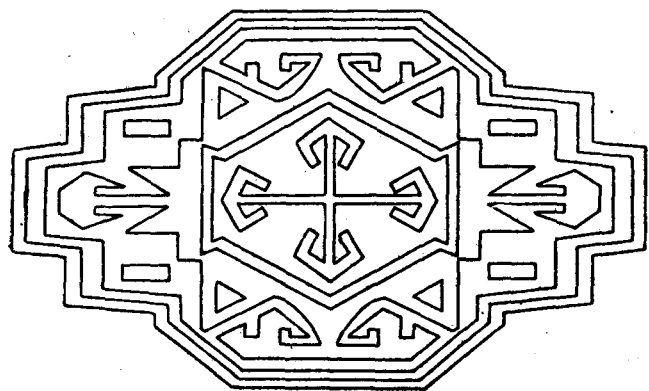

Рис. 9. «Сарык гёль» (племя сарык)

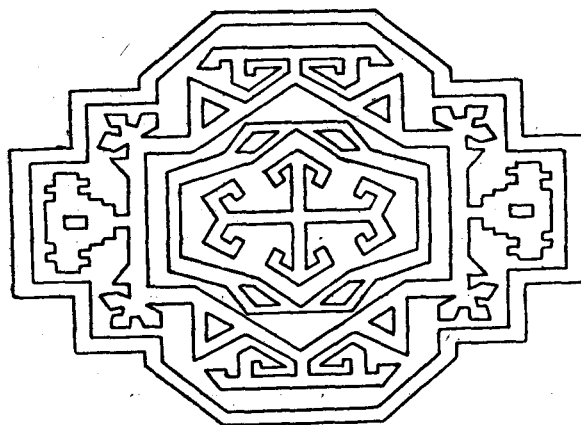

Рис. 9а. «Сарык гёль» (племя сарык) — старинный вариант

ции, имеют свои племенные гёли, воспроизводимые ими главным образом на больших коврах. Племена, потерявшие свою самостоятельность, расселившиеся отдельными группами среди других племен, оставаясь ковроделами, утратили свой племенной голь. Примерами такого рода могут быть племена икдыр и имрели, вырабатывающие йомутские узоры, живя в непосредственном соседстве и, в прошлом, в зависимости от йомутов. Али-элинцы, живя среди текинцев, делают текинские узоры; узор текинцев делают также нухурли — в прошлом зависимая от текинцев группа, обитающая в селении Нухур, близ Бахардена.

Создается впечатление, что потеря самостоятельности той или иной племенной группой лишала ее права и возможности воспроизводить свой независимый орнамент. Создается впечатление, что воспроизведение голя господствующего племени являлось своего рода символом подчинения этому племени.

Особенно показательны в этом отношении так называемые эвлядские племена (шихи, махтум и др.), которые живут на положении «священных» племен среди различных туркменских групп: являясь, как правило, прекрасными ковроделами, они обязательно воспроизводят племенные узоры той группы, которая оказывает им гостеприимство.

Стойкость племенных гёлей объясняется тем, что в них находили, видимо, свое отражение какие-то племенные или родовые эмблемы, изображение которых было когда-то, вероятно, строго регламентировано, а позже превратилось в прочную традицию. Рассмотрение этих племенных гёлей и является темой настоящей статьи.

«Голь» совершенно нельзя смешивать с тем термином, который невольно напрашивается, — «гюль», «гюльча». В представлении туркменских ковровщиц это вещи разные. «Гюль» — цветок, «гюльча» — цветок, определенный вид рисунка, напоминающего по своему очертанию цветок. «Голь» — название, которое применяется только к племенным узорам, помещающимся на центральном поле ковра и иногда на других изделиях.

Удовлетворительного перевода и толкования слова «голь» не имеется. Совершенно должно быть отвергнуто истолкование салор голя, как «салорская роза»², в свете понимания термина «голь» ковровщицами в значении орнамента, узора.

Таким образом, за отсутствием других удовлетворительных толкований приходится принять ковровый «голь» в значении племенного узора, орнамента, может быть, эмблемы, и попытаться объяснить его путем раскрытия его изобразительных форм.

Считая «гёли» эмблемами туркменских племен и родов, которые на протяжении веков слагались, жили и распадались, мы вправе ожидать отражения этого процесса и в рассматриваемых нами ковровых орнаментах. Действительно, сделанные в этом отношении наблюдения позволяют с уверенностью сказать, что в общей массе туркменских медальонных орнаментов имеются, если можно так выразиться, гёли «живые» и гёли «мертвые». «Живыми» являются гёли современных туркменских племен, не утративших до недавнего прошлого своего значения. К ним можно отнести эрсаринцев, йомутов, сарыков, текинцев, сохранивших и свои племенные гёли (см. выше). Гёли эти живут в виде основного узора центрального поля большого ковра, который в быту туркмен является парадным. Вероятно, его «парадность» и послужила основанием того, что именно в этом ковре сохраняется голь живых действующих племен. Этот голь в старину ни на каких других изделиях.

² Термин, получивший широкую популяризацию благодаря кинопостановке в СССР — «Салорская роза». Это же ложное истолкование было воспринято художницей Мезгиревой О. Ф., воспроизведшей в одной из своих картин процесс узороत्ворчества в ковре (Музей искусств СССР в Ашхабаде).

кроме ковра, видимо, не изображался. Эта традиция в отношении племенных гёлей в настоящее время сохранилась у текинцев: текинский голь до недавнего прошлого нельзя было встретить ни на одной бытовой вещице, кроме постилочного ковра. По словам всех ковровщиц-текинок, крупный племенной голь текинцев можно было делать в старину только на больших коврах. Та же традиция сохранилась у эрсаринцев: эрсаринские большие племенные гёли на мелких вещах совершенно не встречаются, а помещаются только на коврах.

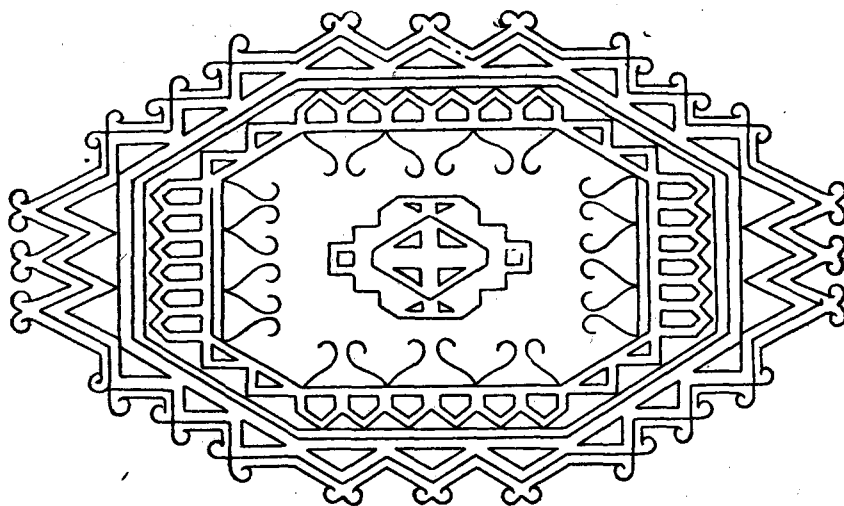

Рис. 10. «Салор голь» (племя салор)

Наряду с этим сейчас имеются уже примеры, когда гёли с больших ковров переходят на мелкие изделия. Йомутские «кепсе голь» и «дыр-нак голь» можно встретить на торбах нового изготовления; на старых торбах эти рисунки не воспроизводились. Чоудорский племенной узор «эртмен», как указывалось выше, уже давно не выделяли на коврах: он уступил место более легкому «таук голью», заимствованному чоудорами у племени арабачи. «Эртмен» целиком перешел на мелкие изделия — чувалы и торбы, где он используется чрезвычайно широко, хотя еще и продолжает восприниматься ковровщицами, как чоудорский племенной голь. Точно так же перешел на чувалы известный «салор голь» — салорский племенной орнамент, утративший значение племенного для салоров вследствие того, что само это племя, потерпев в конце XIX в. полный разгром от текинцев и сарыков, вынуждено было совершенно оставить ковроделие. Голь их, знаменитый «салор-голь» (рис. 10), перешел к сарыкам и воспроизводится ими в модернизированном виде на чувалах, сохранив старое название «салор-голя». Воспроизведение «салор-голя» на коврах сарыков и мервских текинцев относится к колониальному периоду и должно рассматриваться как русское влияние, так как русские потребители предъявляли спрос на ковры с этим рисунком.

Приведенный выше материал позволяет сделать заключение, что в орнаментике чувалов ныне можно найти изображение племенных гёлей, которые постепенно утратили значение племенного для своей группы. Здесь мы подходим к группе гёлей, которые можно назвать «мертвыми гёлями».

На примере салоров мы видим, что при полном разгроме племенной группы, полной утере ею возможности заниматься ковровым искусством ее запас ковровых узоров не исчез, а оказался воспринятым победителями, использовавшими его на своих изделиях. Легко себе представить

даже путь, по которому шло это заимствование. Едва ли ковры и ковровые изделия покоренных уничтожались, они оседали у победителей и могли служить образцами для воспроизведения узоров. Правда, в отношении салоров могло иметь значение особое к этому племени отношение: они считались, как известно, самым благородным, аристократическим племенем, чему соответствовало и их экономическое положение в Туркмении в течение ряда веков. Салоры считаются до сих пор отцами туркменского ковроделия. Неудивительно, что их запас ковровых орнаментов был так широко воспринят и использован их победителями — сарыками и текинцами Мерва на их ковровых изделиях.

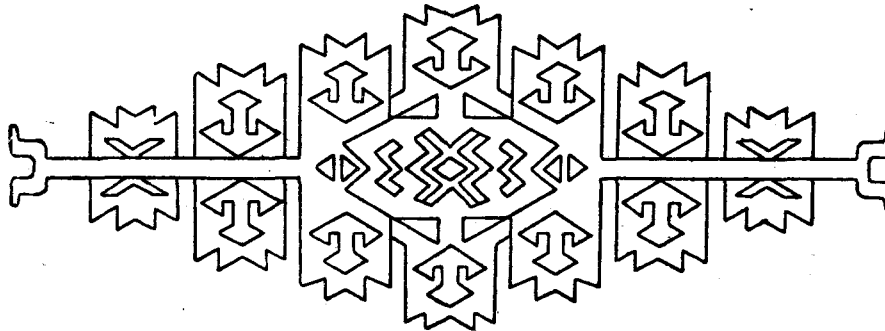

Рис. 11. «Кеңсе голь» (племя йомутов)

Так или иначе, но здесь мы имеем пример перехода племенного узора с ковра на чумал. То же можно наблюдать на примере чоудоров, которые под влиянием развивавшихся товарных отношений сами стали

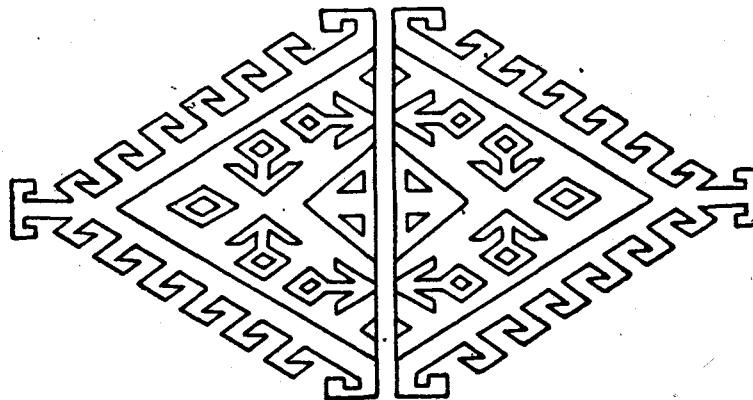

Рис 12. «Дырнак голь» (племя йомутов)

воспроизводить на своих больших коврах новый рисунок, сохранив старый «эртмен», потерявший свое значение племенного узора, на торбах и чумалах. Подобное же явление имело место у сарыков, которые с начала XX в. широко использовали свой племенной узор на чумалах.

«Мертвые гёли», т. е. утерявшие свое значение племенные узоры, сохранялись, следовательно, на мелких ковровых изделиях и здесь с течением времени начинали восприниматься как простой орнаментальный мотив. Прекрасной иллюстрацией этого положения, кроме приведенных уже выше примеров, может быть сравнение племенных гёлей салорской группы туркменских племен.

Из исторических источников известно, что наиболее крупные племенные группы современных туркмен — текинцы, сарыки, эрсари и йомуты, широко расселившиеся ныне в Туркмении от берегов Каспий-

ского моря до берегов Аму-Дарьи, в XVI в. представляли собой одну племенную группу так называемых «внешних салоров», которая входила в состав салорского племенного объединения, возглавлявшегося племенем салор. Обитала эта группа на небольшой сравнительно территории в Прикаспии. После распада салорского союза все входившие в его состав племена разбрелись по Туркмении. Мелкие некогда группы — теке, йомут, сарык — как раз в этот период своих переселений превратились в крупные племенные объединения, которым принадлежала первенствующая политическая роль в истории Туркмении в этот период (XVII—XIX вв.).

В своей ковровой орнаментации эти племена пошли собственными путями и ныне они в этом отношении представляют собой группы несомненно обособленные, сохранившие лишь общий туркменский стиль в цвете, геометризованном характере орнамента и некоторых других деталях. Вместе с тем у каждого из этих племен сохранились основные орнаменты, форма и рисунок которых позволяют видеть в них несомненно общий источник — общий племенной голь, который эти племенные группы, повидимому, имели в пору своего совместного обитания в Прикаспии и вхождения в одну племенную группу.

Выше приводились племенные гёли текинцев (рис. 8), эрсаринцев (рис. 13 и 14), употребляемые до настоящего времени на больших коврах этих племен; у йомутов голь такого же характера сохранился в чужалах, очень широко распространенных у них (рис. 16); у сарыков узор подобного же рода в недавнем прошлом воспроизводился на больших коврах и до настоящего времени встречается в чужалах (рис. 9). Даже беглого взгляда на эти узоры достаточно, чтобы усмотреть в них элементы, свидетельствующие об общности их происхождения. Это несомненное сходство может служить прекрасной иллюстрацией того, как исторические связи (в данном случае общее происхождение группы туркменских племен) нашли свое отображение в их племенных гёлях, о чем говорилось выше.

Но сейчас в приведенном примере нас интересует другое; а именно то, что гёли сарыков (рис. 9а) и особенно йомутов (рис. 16) могут быть отнесены к группе «мертвых гёлей», так как они в настоящее время совершенно не осознаются ковровщицами, как племенные узоры, а воспринимаются просто как орнамент. Этот старый йомутский голь, помещаемый исключительно на центральном поле чужалов, носит уже название «чужал гюль», а не «голь» и употребляется здесь наряду с другими чисто орнаментальными узорами, встречающимися в других изделиях.

Возникает предположение, что на мелких ковровых изделиях современных туркмен могли удержаться устаревшие, вышедшие из употребления гёли племен, сошедших с исторической сцены. Нет ничего невероятного в том, что среди современного богатого орнаментального запаса медальонных узоров туркмен сохранились в измененной форме гёли таких племен как, скажем, икдыры, которые сейчас, потеряв самостоятельное значение, выделяют гёли чужих племен, а своего не имеют. Не могли исчезнуть бесследно племенные узоры старых туркменских племен, которые играли ведущую политическую роль в Туркмении, Иране и Передней Азии в XI—XIV вв. Племенные гёли этих старых туркменских, огузских племен дошли до нас на территории Туркмении в виде гёлей салоров и чоудоров. Икдыры (также древнее племя, упоминаемое в числе старых огузских племен), как уже говорилось выше, утратили свой племенной голь. По всей вероятности в орнаментике малоазиатского ковра нужно искать исчезнувшие гёли тех огузских племен, которые в течении нескольких веков, начиная с XI в., двигались на Запад и осели в Малой Азии, и отчасти в Иране.

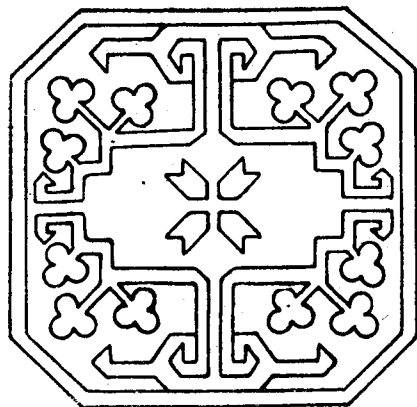

Рис. 13. «Гюлли гёль» (племя эрсари)

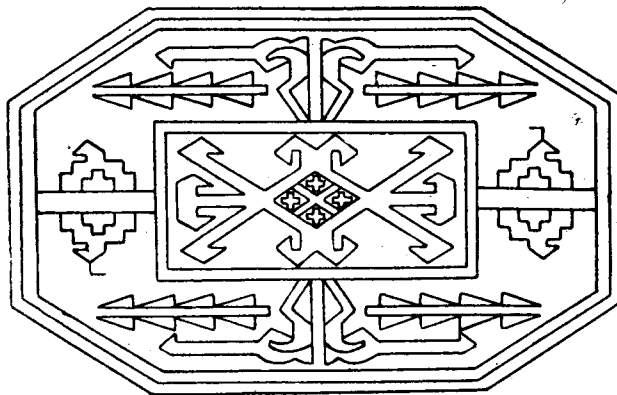

Рис. 14. «Темирджин гёль» (племя эрсари)

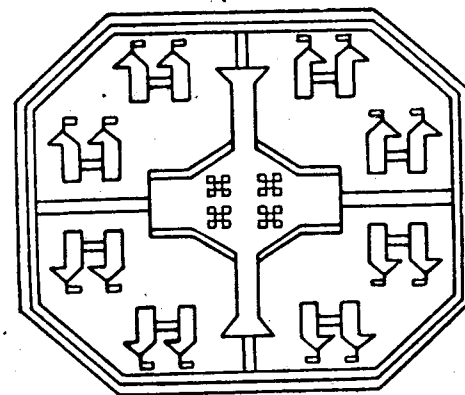

Рис. 15. «Таук нуска» (племя арабачи) — старинный вариант

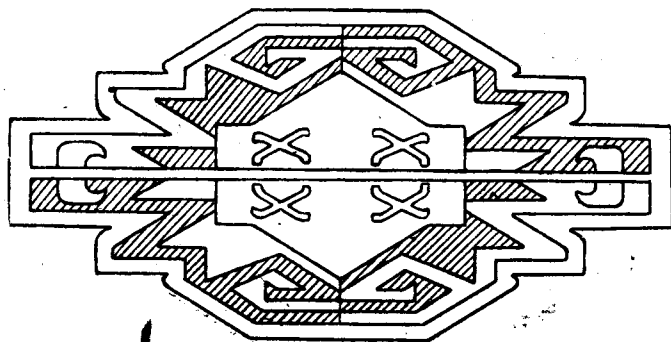

Рис. 16. «Чувал гюль»

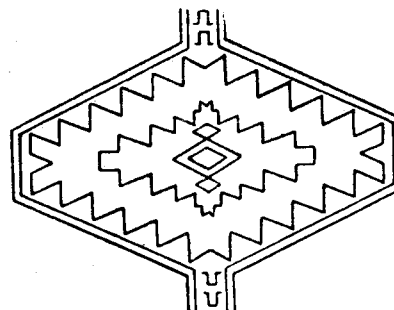

Рис. 17. «Ашик» (племя йомутов)

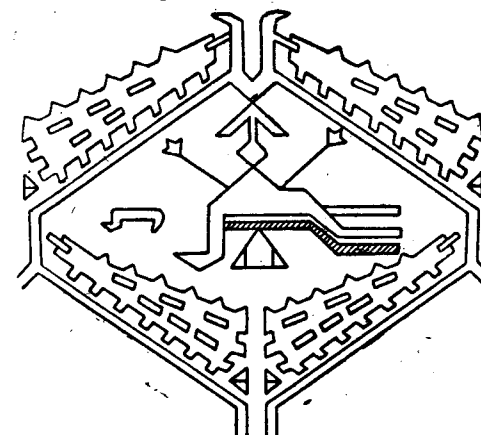

Рис. 18. Основной узор старинного йомутского «осмолдука» по воспроизведению Фелькерзама

Рассмотренные выше примеры нахождения племенных гёлей из мелких ковровых изделиях заставляют очень внимательно приглядываться к орнаментам этих изделий, которые нередко доносят до наших дней изображения племенных гёлей в их более архаичной форме. В этом отношении исключительный материал дает орнаментика свадебных ковровых украшений туркмен, сохранившихся в настоящее время лишь у йомутов в виде так называемых «осмолдуков». Это известные и не раз описан-

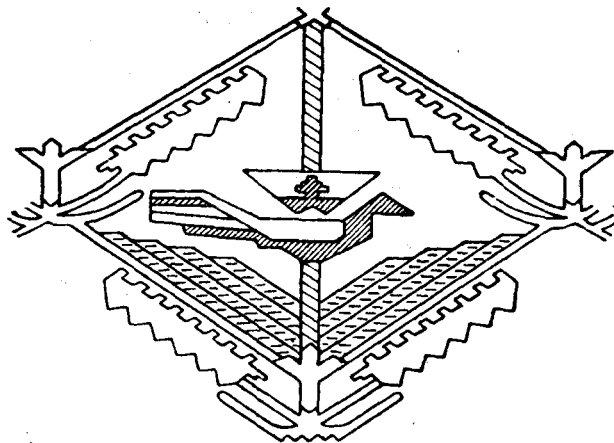

Рис. 19. Основной узор старинного осмолдука (плем. йомутов). Музей восточных культур в Москве.

ные в литературе пятиугольные коврики, которые вешались по бокам на свадебного верблюда, перевозившего невесту. Современные осмолдуки (имеется в виду XX в.), изготовлявшиеся в колониальный период, украшались очень часто орнаментом «ашик» (рис. 17), который заполнял все центральное поле осмолдуков. В двух-трех осмолдуках начала XIX в. (может быть даже конца XVIII в.), сохранившихся в музеях Москвы и Ленинграда, орнамент «ашик» выступает в более архаичной фор-

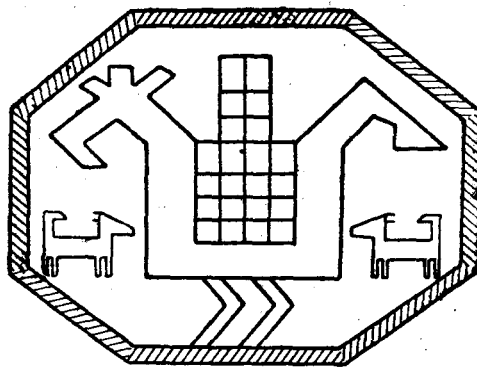

Рис. 20. Основной узор с «халыка». Музей искусств ТССР в Ашхабаде

ме и имеет вид белых зубчатых ромбовидных цветочных розеток, внутри которых помещается изображение птицы, иногда с изображением животного, в сравнительно реалистической трактовке (рис. 18—19)³. Однородность композиции, однотипность изделия и сохранение отдель-

³ Эти осмолдуки были описаны в работе о среднеазиатских коврах Фелькерзамом; привлекли они также внимание и более позднего исследователя туркменского ковра — Гогеля.

ных элементов узора, которые приобрели более упрощенную геометрическую трактовку, не оставляют никакого сомнения в том, что орнамент «ашик» — это более позднее воспроизведение старого узора с изображением птицы.

Другим ковровым свадебным украшением был «халык» — коврик, вешавшийся на грудь верблюда и имевший вид прямоугольника (в старых экземплярах — пятиугольника) с двумя ниспадавшими по бокам полотнищами, оканчивавшимися бахромой (крученой). Сейчас халыки совершенно вышли из употребления, как и все свадебные украшения, но у некоторых племен, например, у сарыков, до недавнего прошлого сохранялся, как уже указывалось, так называемый «капундук» — украшение на дверь, специально для этого сделанный. Он неоднократно описан в литературе. Прообразом этого капундука, по всей вероятности, был халык.

Халыков до нашего времени дошло очень немного. Известные автору халыки исчисляются буквально единицами, хранящимися в некоторых музеях Средней Азии и центра. Тем более интересным является орнамент одного из этих халыков, представляющий собой восьмиугольный медальон с изображением в нем птицы (рис. 20). Колорит изделия, трактовка каймы, техника ткани не оставляют никаких сомнений в принадлежности этого халыка к туркменским изделиям⁴.

Нахождение этих узоров с изображением птиц на свадебных украшениях туркмен представляет особый интерес в связи с тем, что еще в XIX в. на свадебных ковровых изделиях йомутов помещался родовой знак, если девушка выдавалась замуж в другой род. Вместе с тем ни в одной из дошедших до нас свадебных йомутских ковровых вещей мы не имеем воспроизведения известных нам племенных узоров йомутов — ни старых, ни новых. Причина этого таится в характере брачных связей у туркмен вообще и йомутов в частности.

Те группы туркмен, которые европейскими исследователями называются племенами (йомуты, текинцы и т. д.), сами туркмены в своем быту (как и исторические источники) называют народами — «халк». Брачные связи у туркмен устанавливались в недавнем прошлом обязательно внутри этого халка, т. е. текинцы выходили замуж за текинцев и текинцы женились исключительно внутри своей группы текинцев, так же как эрсаринцы заключали браки в пределах своей эрсаринской группы. Если считать вслед за туркменами эту группу «народом», то те части халка, которые европейские исследователи называют уже родами, будут племенными группами; следовательно, у туркмен можно наблюдать браки между определенными племенными группами внутри крупного племенного объединения — халка. Но в этом отношении проводилось очень немного исследований, и вопрос о брачных отношениях в Туркмении не освещен. Проведенная в этом направлении профессором Преображенским работа по северным йомутам устанавливает несомненность выказанного нами положения, что брачные связи между определенными группами внутри халка в старое время имели место, а чем ближе к современности, тем закон этот нарушался все больше и больше; в настоящее время можно еще говорить только об одном несомненном и твердом правиле — это о брачных связях внутри крупных племен (халков), причем уже давно имеют место случаи, когда выходят замуж и женятся на своих односельчанках — очень близких по родовой принадлежности.

В свете приведенных сведений о брачных отношениях у йомутов становится понятным отсутствие на их свадебных украшениях известных нам современных и старых племенных гёлей. Было бы неправильно, по-видимому, даже пытаться найти в йомутских халыках эти племенные

⁴ Халык этот хранится в Музее искусств ТССР в Ашхабаде.

гёлы, являющиеся принадлежностью более крупной племенной группы, может быть даже халка. В свадебных украшениях, повидимому, могли помещаться и помещались гёлы только мелких родовых подразделений, которые в позднейшее время благодаря смешению брачных групп внутри йомутского «народа» совершенно утеряли свое значение; воспроизведение этих гёлов обратилось в простую традицию, которая могла держаться в дальнейшем лишь некоторое время.

Таким образом, эти орнаменты — медальоны, с изображением птиц и животных, помещенные на старинных свадебных украшениях туркмен, рассматриваются нами в свете этнографических данных, как гёлы каких-то родовых подразделений йомутов, сохранившиеся здесь в наиболее архаичной форме, воспроизводящей реалистические изображения птиц и животных, иногда взятых в одну композицию.

Считая, что в этих реалистических изображениях сохранились в более древней форме черты туркменских племенных гёлов вообще, попытаемся подтвердить это, сопоставив их с современными племенными гёлами, рассмотренными нами выше, попытаемся найти в последних черты, роднящие эти орнаменты, так мало похожие друг на друга на первый взгляд.

При нашем анализе мы опираемся главным образом на группу родственных гёлов, принадлежащих салорскому объединению, содержание которых раскрывается до некоторой степени в свете материалов, собранных о «теке гёле» (рис. 8).

В этом орнаменте («теке гёле») отдельные элементы объясняются ковровщицами так куш — птица (рис. 8 а); дунгуз бурун — свиной нос (рис. 8 б); чаккан — кусающийся, жалящий (рис. 8 в); ковача — коробочка хлопчатника (рис. 8 г).

Из этого перечня видно, что основными элементами композиции теке гёля являются: растение в центре и изображение птиц и животных по бокам. «Птицы» эти в современном изображении теке гёля скорее напоминают элементы растения, чем животного. В эрсаринском гёле эти узоры имеют совершенно вид трилистника и носят здесь название — «гюль» — цветок, утерав всякую связь со своим первоисточником — «птицей». Интерес гюль сарыков, случайно зафиксированный в обрывке старого ковра (рис. 9), в котором имеется только одно изображение «птицы». Этот гюль особенно ценен потому, что он является промежуточным между теке гёлем (рис. 8) и йомутским старинным гёлем (рис. 16), в котором «птицы» совершенно отсутствуют, приобретая характер геометрических острых углов.

Не пытаясь сейчас вскрыть историю развития этих мотивов, подчеркнем только наличие во всех этих гёлях на центральном поле одних и тех же элементов птиц и животных.

Интересный материал дает нам старый племенной гюль чоудоров — «эртмен», далеко еще не изученный. Фигурки внутри гюля, как не трудно заметить, представляют собой комбинацию птиц и растения (рис. 5). Пятилистный «цветок» совершенно ясно имеет сверху головку птицы, а внизу — хвостик и ноги. Другой составной частью эртмена, при этом центральной частью, являются три ромбовидных зубчатых фигуры, соединенные общим стволом. На двух из них ясно обрисовываются контуры «птицы» с распростертыми крыльями. В общем композиция представляет собою растение с двумя птицами, расположенными по бокам, лицом друг к другу. Интересно, что у чоудоров не удалось пока что установить названий этих элементов «эртмена». Это объясняется, повидимому, тем, что «эртмен» — старый гюль, который вышел из употребления и сейчас почти не выделяется. Однако в нем мы имеем изображение птицы, которое недавно еще осознавалось именно как птица, и название это, как оказывается, сохранилось в другом месте, как мы сейчас увидим.

На торбах чоудоров, но не северных, ташаузских, а чоудоров с Аму-Дарьи (одна группа их в конце XVIII в. перебралась сюда и обитает между Дейнау и Саятом) имеется узор, который по композиции, по общей теме и по показателям чисто техническим бесспорно является тем же эртменом, но несомненно видоизмененным (рис. 6 в). Здесь — полное отсутствие каких-либо атрибутов птиц, а вместо птиц имеются только розетки цветка; вместе с тем, вся эта композиция у чоудоров Аму-Дарьи называется «кушлы», т. е. «птичья».

Таким образом, из сопоставления орнаментальных данных чоудоров северных и амударьинских можно вывести заключение, что птичьи атрибуты, которые имеются в классическом «эртмене», свидетельствуют о нахождении здесь когда-то реалистического изображения птиц. Постепенно упрощаясь, оно приобрело вместе с тем и новые элементы и превратилось в изображение цветочной розетки. Интересен в этом отношении тот же узор, имеющийся на чоудорском чувале в Музее искусств в Ашхабаде, который бесспорно может быть принят, как промежуточное звено. В нем еще имеются элементы «птицы», но уже совершенно не осознаваемые ковровщицей (рис. 6 д).

Анализ «эртмена» позволяет утверждать, что у чоудоров в их родовом гёле «птицы» составляли неотъемлемую часть композиции.

Теперь обратимся к племенному узору племени арабачи, родственного чоудорам (рис. 15); он воспроизведен с ковра, находящегося в частной коллекции в Ашхабаде и имеющего возраст около ста лет (судя по техническим данным, по кайме и общей композиции). Этот орнамент, если только лишить его верхних «птичьих» головок, совпадет с буквой «Н» (рис. 7) и в таком именно виде он получил в позднейшее время чрезвычайно широкое распространение как в работах самих арабачи, так и в работах чоудоров, заимствовавших этот узор и занесших его на Аму-Дарью. В воспроизведениях Симаква имеется очень интересный ковер с гёлем подобного же типа (Симаков его не относит, правда, к арабачи), но имеющим более архаичную форму, воспроизводящую двух стоящих рядом птиц без поперечной перемычки.

На месте рождения этих ковров, в Денаусском районе Чарджоусского округа, где как-раз уцелела в наибольшей чистоте группа арабачи, уцелел и целый ряд ковров с рассматриваемым узором в виде буквы «Н». Считая этот голь своим, арабачи называют его «Таук нуска» — рисунок курицы. Следовательно, здесь мы имеем дело опять с изображением птицы, выступающим и по очертанию узора в его более архаичной форме на старинных коврах, и по сохранившемуся названию этого узора.

Нахождение по крайней мере в четырех племенных гёлях совершенно различных туркменских племен изображения птиц (или птиц и животных) является фактом, который дает нам право с достаточными основаниями поставить эти гёли в один ряд с рассмотренными племенными узорами с изображениями птиц на свадебных осмолдуках и считать последние наиболее архаичной формой гёлей такого рода.

Из всего рассмотренного нами материала можно сделать один вывод: племенные гёли имели в своих первоначальных изображениях какие-то композиции, включавшие в свой состав птиц (может быть, птиц и животных и, может быть, растения), пережиточные формы которых мы обнаруживаем в племенных гёлях современных туркмен, в более или менее реалистических чертах.

Нужно считать совершенно исключительной удачей для исследователя-этнографа возможность опереться в своих выводах на исторические факты. Такими твердыми историческими фактами, чрезвычайно подкрепляющими сделанные нами выводы, являются сведения о туркменах, сообщаемые автором XIV в. Рашид-ад-Дином. В своей известной работе Джамий-ат-Таварих Рашид-ад-Дин, приводя историю огузских пле-

мен, дает затем подробный список всех огузских племен с указанием для каждого из них тамги, которой метился скот, названия части мяса, которую получали представители данного племени на общественных пирах, и, наконец, название онгона (тотема), каждого племени. Из этого перечня видно, что огузские племена того времени делились на шесть групп по родственному признаку, по четыре племени в каждой, и каждой из этих групп был присвоен один и тот же кусок мяса и один и тот же тотем.

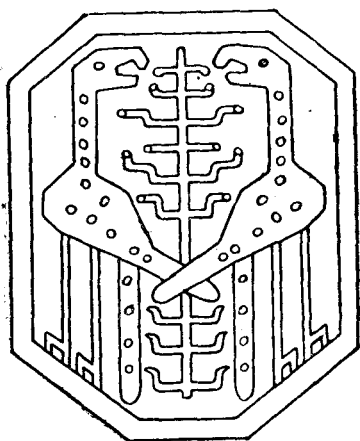

Рис. 21. Узор с ковра по картине Липпо Метти (портрет Мадонны 1350 г.) по воспроизведению Вильгельма Боде

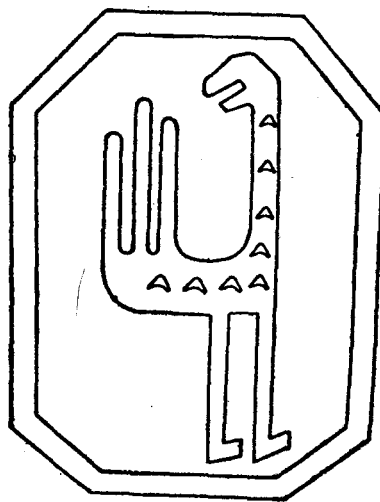

Рис. 22. Узор с ковра по картине Nicolo di Buonacorso («Verlobung der Maria» 1380 г.) по воспроизведению Вильгельма Боде

Нас интересуют особенно эти племенные тотемы. Они оказываются следующими:

- 1) Племена Кайи, Баят, Алкырэвли и Караэвли имели своим тотемом царского белого сокола.
- 2) Племена Языр, Дюкер, Дудурга и Япарлы имели своим тотемом орла.
- 3) Племена Авшар, Карык, Бекдили, Каркын имели своим тотемом орла, берущего зайца.
- 4) Племена Баюндур, Бечене, Джагулдур, Чепни имели своим тотемом кречета.
- 5) Племена Салур, Эймур, Ала-Юнтли имели своим тотемом «уч» (не переведено).
- 6) Племена Икдер, Бюкдюз, Йиве, Кынык имели своим тотемом «чакыр» (не переведено).

Из этого списка видно, что у всех племенных групп огузов тотемами их были птицы, и при этом птицы орлиные. Сведения, приводимые Рашид-ад-Дином, окончательно позволяют утверждать, что изображение птицы в том или ином виде в племенных гёблях туркмен, которые нами рассмотрены, имело очень большие основания и было, видимо, явлением не случайным.

В свете рассмотренного материала имеется полное основание полагать, что примитивные изображения птиц, и именно птиц орлиных, на коврах, воспроизведенных в картинах художников XIV в., могут считаться наиболее древними образцами именно огузских ковров, в кото-

рых воспроизведены племенные гёлы с изображением тотема того или иного племени. Нами имеются в виду:

1) ковровый узор, опубликованный Вильгельмом Бодом с картины *Lirio Mettini* (портрет Мадонны, 1350 г., Берлинская галерея), изображающий двух белых орлов, стоящих друг против друга около дерева, помещенного между ними⁵ (рис. 21);

2) ковровый узор, воспроизведенный тем же автором с картины *Nic. di Buonacorso* («*Verlobung der Maria*», 1380 г., Национальная галерея, Лондон), изображающий орлиную птицу необычайно примитивного рисунка, вписанную в восьмиугольник⁶ (рис. 22).

Не предполагая в настоящей статье заниматься анализом этих примитивных композиций племенных гёлов, подкрепим наше предположение пока что лишь этим разительным совпадением материалов историко-этнографических с мнением исследователей, также относящих указанные ковры XIV в. с примитивным изображением птиц по их происхождению к Малой Азии, являвшейся уже в XIV в., как известно, ареной действия старотуркменских племен.

⁵ По публикации Вильгельма Бодом *Vorderasiatische Knüpftteppiche aus älterer Zeit*. Leipzig, 1914, S. 109.

⁶ Там же.